

СМЫСЛ ЖИЗНИ КАК АТРИБУТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЕСТЕСТВА

АНОТАЦІЯ

У статті аналізується філософське розуміння сенсу життя як природнього атрибута людської особистості.

Ключові слова: особистість, екзистенція, людське буття, рефлексія, вищі цінності.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется философское понимание смысла жизни как естественного атрибута человеческой личности.

Ключевые слова: личность, экзистенция, человеческое бытие, рефлексия, высшие ценности.

SUMMARY

The article examines the philosophical understanding of the meaning of life as a natural attribute of the human person.

Key words: personality, existence, the human being, the reflection, the higher values.

**Человек приходит в мир, чтобы сделать свою жизнь осмысленной.
Жизнь каждого человека имеет тот смысл, который он сам в нее вкладывает.
(Е.К. Дулуман)**

Человеческая жизнь наполнена смыслом, осмыслена. Это, среди прочего означает, что человек доволен ею, рад, счастлив тем, как живёт, испытывает благоговение во всех многообразных значениях этого слова. Он сознает свою сопричастность истине, добру, излучает жизнеутверждающую энергию, волю и т.д. Будучи не упорядоченной, хаотичной, не подчинённой известной цели, не устремлённой вверх, больше, не пронизанной волей к бессмертию, — такая бессмысленная жизнь лишена «ветрила» и «руля». В душе, делах так живущего человека царит запустение. Не имея смысла, он бездеятелен, ничего не желает, прозябает, подобно растению. Утратившего смысл человека ждёт деградация, духовный и физический развал, он теряет пригодность и способность к чему бы то ни было человеческому.

Вряд ли кого из людей устроит подобная участь. Любой нормальный человек хочет жить. Ему жизнь нужна в полноте: активная, творческая, целеустремлённая. Вопрос лишь в том, какова она: как нужна, как прожить, какого рода значимостями, устремлениями её пронизать. А озадачиваясь, захваченный данными вопросами, человек непременно осмысливает себя и жизнь свою.

Поскольку, далее, ему не обойтись без, находимых и реализуемых жизненных смыслов, последние имеются у людей, порой, даже без их ведома, как бы «естественным» образом, само собой. Но обычно же, — особенно это касается личности, экзистенции, человеческого бытия, — смыслы обретаются напряжёнными исканиями, в серьёзных (иной раз до мучительности) трудах. До них доходят борьбой, страдательным опытом человекостроительства...

Итак, жизни, никак не осмысленной, ежели речь идёт о людях, полнокровно живущих, не существует. Вопрос лишь в том, насколько полно она осмыслена: насколько смысл

значим, куда влечёт, как организует человека, каковы те последствия, которые возникнут по реализации данного смысла.

Уже само выражение «смысл жизни» при внимательном своём рассмотрении предполагает известную рефлексию. Действительно. Почему о смысле **жизни** нужно вести разговор, а не о смысле **существования**? Что есть «жизнь» тогда? Одно и то же ли жизнь человека и жизнь какого-либо животного, вообще, биологического существа, что бы оно из себя ни представляло? Может, с другой стороны, понятие «жизнь» следует отнести и к любому другому сущему, скажем, физическому, химическому?.. Между тем, живёт не только отдельно взятое сущее, например, отдельный человек. Живёт также (и смыслами располагает) общество. Какой смысл, значение тогда следует вкладывать в понятие «жизнь» применительно к каждому из данных феноменов, предметов?..

Ясно, что в каждом конкретном случае понятие данное будет выступать в различных ракурсах, аспектах. Одно дело, скажем, вести речь о жизни касательно биологической материи, причём, — и тут нужно видеть дифференциацию в зависимости от уровня, форм организации последней. Другое дело, когда речь идёт о психологическом, социальном проявлении жизни. Больше, — о проявлении, коль скоро налицо жизнь экзистенции, жизнь человеческого бытия. Видимо, в последнем случае термины «существование» и «жизнь» будут во многом совпадать.

Вместе с тем сам термин «смысл» тоже далеко не однозначен. Часто его используют в плане какого-то значения, нагрузки, известного ракурса, направления выказывания, присутствия, которые осмысливаемый предмет, понятие несёт, существует. Очевидно тогда: предметы, понятия могут обладать весьма различными смыслами. Отсюда, например, говорят, что в одном смысле данный предмет есть то-то и то-то, а в другом, третьем смысле — нечто другое.

Одновременно, смысл, тем более, при использовании его в единстве с понятием «жизнь» обнаруживается в ином, существенно значимом, аспекте. Последний сразу же явственен, коль скоро речь заходит о назначении, ориентированности, направленности, целостности, упорядоченной насыщенности жизни человека. Так что, можно полагать: сам по себе смысл есть некоторое понятие, выступающее следствием соотнесённости других понятий, в единстве, организованности, упорядоченности которых он наблюдаем. Вот почему обычно под смыслом жизни имеют в виду: то, для чего человек живёт, какова определяющая цель его существования, как последовательно и на каких путях она реализуема, что за проблемы и насколько полно человек здесь решает, осуществляя насыщающие его жизнь цель и задачи. Нетрудно видеть из сказанного: смысл подразумевает наличие определённой конечной **цели**: некоторой высшей ценности, высшего ориентира (идеи, идеала), — куда человек устремлён, воплощением которой существует. Достижение данной цели заполняет содержанием всю его активность, жизнь. Больше того, она организует, мотивирует эту активность, ориентирует, сообщает динамизм, созидательную энергию. Конечная цель, короче говоря, выступает законом движения, существования человека. Она образует, что называется «основную линию жизни». Ею-то и соорганизованы поведение и поступки человека на разных уровнях — будь то общество в целом, или трудовой коллектив, семья, близкие друзья. Отклонения от данной «**линии**» нередко приводят к мучительным коллизиям, а её утрата — к нравственной, а то и физической гибели.

Разумеется, конечной целью человека может быть что угодно. Однако, обычно люди выбирают наиболее значимый и важный для них предмет, дело. Нечто, наполняющее, что называется, «высшим смыслом», «осмысленностью», «ценностью», «исключительным достоинством» всю жизнь. Организуя людей, высшая идея (конечная цель) не просто мобилизует, а вдохновляет на высочайший подъем, вселяет энтузиазм творчества, напрягает силы и энергию сполна. Сказано же: «лишь для великой идеи рождается великая энергия» (К. Маркс).

Хотя, верно и то, что каждый несёт по жизни то, на что способен, может, до чего дорос. Отсюда, понятие «высшее» отдаёт относительностью. Но, с другой стороны, мера человечности в человеке лишь тогда соблюдается, выдерживается, когда чувство, сознание должного, цели, мечты, устремлённости не снижается, а растёт, поднимается. Человек, застывший в самореализации на одном и том же, достигнутом ставшим настоящим, обречён на деградацию. Не меняется дело и в случае нацеленности людей предметами, заведомо посильными. В том числе — представляющими экстраполяцией настоящего (достигнутого) в будущее.

Понятно, высшая цель привлекательна — не существует против воли. Осмысленная безальтернативно, она одухотворяет человека чувством радости, истинности вершимого. Люди сознают себя, служа ей, осчастливленными. Отсюда вытекает: сам по себе смысл предполагает осуществление таких понятий, как: **добро, благо, справедливость** и др. Оно и понятно: идея, высшая цель, которой человек устремлён, организован, собран, должна непременно быть справедливой, благой, истинной, доброй. Даже, если цель на самом деле злокозненна (что случается далеко не редко), для своего носителя и выразителя она предстаёт означенными категориальными данностями. С той лишь разницей, — что смысловое содержание последних будет отличаться известным негативом по сравнению с тем, как они используются по истине своей. Конечная цель (идея), далее, как некоторое добро, истина, справедливость, — поскольку осмыслена, значима для человека, поскольку в высшей степени притягательна, и человек добровольно, с радостью устремлён, расходует силы и энергию на её достижение, — выглядит чем-то, выступающим в качестве **счастья, радости, предмета высшего удовлетворения**. Иначе и не может быть. Что осмысленно, являя высший смысл существования, — и в этом плане есть цель, благо самореализации человека, — не может не нести ему счастье и высшее удовлетворение в процессе своего осуществления.

Подчеркнём ещё раз, не смысл образует благое, счастье, конечную цель и т.д. Он — следствие **ВЫСШЕЙ ИДЕИ** (благой, истинной, по природе своей), которой человек устремлён. Между тем, всякая конечная цель также предполагает наличие некоторых промежуточных целей, опосредствующих идей-ступеней, ведущих к ней. Как раз, в этом плане осуществление всего данного комплекса различных моментов целеустремлённой жизни в единстве и обеспечивается тем, что называется осмысленностью человеческой жизни, смыслом жизни человека.

Но, с другой стороны, верно также, что каждый человек различен. И каждый из образующих смысл жизни моментов весьма разнообразен. Нетрудно заметить, эта осмысленность ещё более разнолика, приняв во внимание, что при наличии одних и тех же структурных элементов смысл жизни существенно варьируется, поскольку соответствующий компонент осмысленности в сознании людей часто может толковаться далеко не одинаково. То есть — неповторимо, по-своему, исключительно. Одно дело, скажем, как смысложизненные проблемы выражены на мифологическом уровне, другое — на этико-религиозном, философском. Кроме того, одни и те же высшие смысложизненные предметы являют порой абсолютно своеобразную «личину» и «нутро» в различных культурах, мироотношениях... Так что, налицо множество вариантов осмысленности, смысложизненных моделей, которые люди могут выбирать, воплощать, причём, — вроде бы, по своему разумению. Сложность дела состоит ещё в том, что каждый конкретный исторический этап, специфическая ситуация, время предоставляет свои (неповторимые, исключительные) возможности, простор и задачи «прокладыванию следа», шествию человека в мире, в плане осмысления своей жизни в том числе.

Проясняя существо искомого предмета, не мешает сделать одно, на наш взгляд, важное замечание. Смысложизненными исканиями человека заняты, как указывалось, и мифология, и различные религиозные учения, и искусство, и многочисленные направления философии. Все они, в зависимости от состояния и уровня исторического развития, обусловленного, в свою очередь, способом их существования (практикой), пытаются найти, продиктовать,

предложить человеку определённые решения, выходы, пути самореализации. Будет в этой связи неправомерно, по нашему мнению, полагать, что назначение философии выражается не столько в том, чтобы «диктовать», предлагать человеку соответствующие смысложизненные решения-ответы, или, ещё точнее, служить средством отыскания и получения таких ответов, сколько в ином. А именно, в своеобразном «менторском», позитивистски-отстранённом оказании людям помощи («консультации») на предмет прояснения смысложизненной ситуации: что и как тут есть, какие варианты были и существуют, какие ещё возможны, как оптимально уяснить тот либо иной аспект, как лучше решать соответствующие вопросы и т.п. после такой «консультации», вроде бы, человек призван сам определиться с предметной конкретизацией собственной смысложизненной позиции. Адепты означенного взгляда полагают, что только «догматическая философия», подобно религии и искусству, «навязывает» выработанные ею решения и пути, тогда как не dogматическая — апеллирует, прежде всего, к разуму и полагает, что человек должен искать ответ самостоятельно, прилагая для этого собственные духовные усилия. Назначение философии при таком её участии в смысложизненных исканиях, самое большее, — лишь «в оказании помощи ищущему, аккумулируя и критически анализируя накопленный опыт человечества». Однако, спрашивается, сам поиск смысла жизни (размышления, его строительство, обретение), не может ли он вершиться средствами и языком философии? Или смысложизненные поиски, со связанными с этим актами, никак не представляют философский подход к вещам, а всецело находятся на уровне искусства, или, на худой конец, религии?.. Неужто возможна в действительном смысле слова «не dogматическая философия»? Если да, то какова она, особенно в плане содержательном? Помимо того, что можно было бы назвать просветительством, — к чему сводится? Во всяком случае, — в том виде, как изображается в описанной только что ситуации. Было бы весьма любопытно знать, что представляет «самостоятельный, да ещё и «разумный» поиск осмысленности жизни, исключающий догматизм в своём вершении.

На этом мы завершим наш, скажем так, категориальный анализ смысла жизни. В заключение лишь остановимся (причём, предельно кратко) на осмысленности жизни с позиций «умного» материализма. Под последним будем понимать мироориентацию, выступающую в наиболее развитой данности философией марксизма, диалектическим материализмом.

Собственно, осмысленность жизни начинается с появления у человека мировоззрения. Последнее само производно от своеобразия той практики, которой человек живёт. Смысл жизни — центральный вопрос всякого мировоззрения. Даже такого, — где решается не традиционный основной вопрос (о соотношении материального и духовного). Достаточно познакомиться с любым мировоззрением, — с тем, как оно понимается, как «работает», — чтобы усмотреть пронизанность его главенствующим образом смыслом жизни. Между тем, мировоззрение мировоззрению — рознь, имеется множество таковых. В конечном счёте, писанная история являет мировоззрения как бы разделёнными на два больших направления-варианта: материалистическое и идеалистическое. И здесь, в свою очередь, можно вычленить множество разновидностей мировоззрения. Ведь идеализмы с материализмами бывают разными. И, какой бы характер они ни носили, как бы ни выглядело соответствующее мировоззрение, какое бы содержание тут ни вкладывали в сам смысл жизни, — несомненно: **всего трудней, не просто** решается смысложизненная проблематика с позиций материализма, причём, — материализма «умного».

Действительно. Люди, осмысленно проникшиеся материалистическим мировоззрением (а оно должно быть в нынешних условиях «умным» в означенном смысле), становятся на непростой путь. Тем более, — не очевидный для здравого смысла, сознания повседневности. Последние во многом серьёзно дезориентированы и даже сманипулированы «плюрализмом» плоско-примитивных мироориентаций и бездумья, заповивших современный «интеллектуальный эфир». «умно-материалистический путь», от человека наших дней иной

раз требует личного мужества и силы духа. Даже того, — что в философии называется «стойкостью».

Наиболее приемлемым по части жизнеосмысленности обычному сознанию является, как нетрудно понять, религиозный путь. Здесь, в частности, отталкиваются от, характерной почти всем классическим религиям, установки о «бессмертии души» и «потустороннем воздаянии» («утешении»). В светской же рациональной традиции, помимо материалистического подхода, обыкновенно постулируют идеалистические представления об «абсолютном разуме» и «абсолютных моральных ценностях», создающих якобы основу нравственного существования человека и определяющих его жизненные ориентиры. В конечном итоге, эти представления тоже сводимы к только что описанным.

Разумеется, диалектическому материализму в вопросах осмысленности жизни чужда перспектива иллюзорного утешения в «потусторонней жизни». Точно также, не приемлемы идеалистические подходы. В добавок, — восходящие к духовно-практическому опыту традиционно-религиозных систем. Как можно принять доводы обосновываемых идеалистами моральных ценностей, коль скоро они зиждутся на **«вышнем суде»** (в «трансцендентности», «потусторонности» реальной действительности, в неких мистических, иррациональных сферах и т.п.) и **«воздаянии»**, ожидающих людей, в конечном счёте, после смерти?

Материалистический подход вовсе не означает, что человеку нет надобности искать утешения, нет возможности, чем скомпенсировать горечь утрат, лишения и «бесперспективность своей личной жизни». Все это человек должен и может находить. Но — в реальной, посюсторонней действительности. Да, среди прочего, — в общении, совместном с другими людьми **практическом творчестве** мира, истории, больших и малых дел.

И, конечно же, отрицание «потусторонней жизни», привязка человека к «земной» (единственно реальной «юдоли») отнюдь не должны означать, что ему ничего не остаётся в целях «самореабилитации» («утешения»), помимо разного рода «вседозволенностей». Обычно, в данном наборе все то же: разгул животной похоти, улады жизни, примитивно и вульгарно понятый принцип гедонистического наслаждения («эрапукейство», как бы выразился персонаж известной пьесы М. Горького). Видимо, животная вседозволенность, — в каких бы формах ни выражалась, — худший вариант потребительского отношения к жизни. Подобное «прожигание» себя никогда не принесёт человеку настоящего удовлетворения, никогда не заполнит проживаемое значимым смыслом.

Настоящий материализм также не приемлет, чужд, так сказать, принципу «интеллектуальной вседозволенности». Частным проявлением последнего является славно известное: «Если Бога нет, то я — Бог». Сколько ужасных бед несёт миру сознание, человек, возомнивший себя из принципа такой вседозволенности «Богом», «героем»! Как и «пожиратель вещей», он неудержимо захвачен, — пренебрегая все и вся, потребляя судьбы и жизни других людей, народов, — обеспечением своих, в конечном итоге, эгоистически-низменных желаний, влечений.

Последовательному материалисту чуждо также самонадеянное, своемерное, антропоцентрическое (в предельно развитой форме представленные производяще-техногенной практикой) отношения к действительности. Ибо он признает существование объективной реальности, мира, бытия, Божественной природы. Разумеется, — понимаемых умным материализмом так, что и «понимание» и его предметы имеют мало что общего с религиозными видениями. Так вот, от божественной природы, бытия, объективной реальности человек-материалист всегда будет находиться в зависимости. С ними он не может не считаться. Без внимания и открытости им жизнь, дела его просто бессмысленны. А «звезды на небе» — никогда не «зажгутся»...

Что же до так называемого «воздаяния», то оно, снова-таки, расположено не в чуждых посюсторонности «загробных высях», а в понимании, что «отпущенная» жизнь для человека единственна, в любом случае уникальна, неповторима. Больше. Она способна нести, **доступное** ему на данном этапе исторического становления, **бессмертие**. А потому, жизнь не

должна быть прожита без смысла, бесполезно. Полезность же, осмысленность её не в развёртывании своемерных, эгоистических тяготений и «желательностей» (как бы «замечательно» они ни выглядели), ибо на этом поприще, по большому счёту, ничего не достигнешь. Ведь человеческое существо само по себе, без мира, без других людей, без того целого, участником которого оно является, — совершенно ничего не значит... Разве можно тогда нормально существовать без принесения пользы, благодарного служения как можно большему числу людей, миру? Разве стоит жить без способствования делу возвышения и умножения человечности к бытию, следовательно, без самоувековечения служением здесь [2, с.420]. Вот почему нельзя забывать замечательно сказанное известным отечественным классиком: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она даётся ему один раз. И прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёл позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-нибудь трагическая случайность могут прервать её» [2, с. 234].

Приведённые слова Николая Островского — вовсе не «романтическая», ни к чему не обязывающая, «высокопарность», как сегодня представляется, одурманенному потребительской гонкой, обывателю. На самом деле, нет большей награды человеку, коль скоро его жизнь именно так осмыслена и насыщена! Когда дела и устремления его действительно служат благу всех: дарят простор и свободу, истину и жизнь единому целому, куда он вписан, чему принадлежит, носителем и вершителем чего является, — это ли не самое важное и главное?! Нет нужды при такой мироориентации в неких потусторонних «искуплениях» с «компенсациями» за муки и страдания, претерпеваемые людьми в посясторонней жизни. Ибо, живя умно-материалистически, он, — и без данных «компенсаций», кстати, отдающих духом мещанства, обывательщины, идиллическим мелко-буржуазным вещным довольством и проч., — творит осчастливлено, благоносно и свободно. Здесь он сохраняет себя, обретает бессмертие в памяти и делах людей, истории. Причём, — насколько это, вообще, человеку как таковому доступно. Всякие же абстрактно-гуманистические, особенно либерастические выверты-снижения (по одному и тому же типу обесмысливания, порнографизации, оболгания высокого и светлого) такой смысложизненности, — чего они стоят в своей ничтожности?.. «Потуги» оболгать умно-материалистическое осмысление жизни, — вплоть до приписки ему уподобление человека «навозной куче», призванной «удобрить историческую почву» для возможности очередного «унавоживания», — пусть останутся на нечистоплотной совести их авторов... А порукой выбора истинного пути, верного служения, несения подлинно высокого смысла материалисту-диалектику будет столь же высокая духовность, осваивающе-бытийное, произведенческое творчество себя и действительности.

Да, каждому нормальному человеку приходится (в принципе, другого не дано и как бы тут ни «протестовали» антиплатоники с либералами) жить, творить, служа какой-то идее, делу, обществу, даже самому себе. А раз так, то «служение» призвано происходить по высшему разряду. Другими словами, человек должен «служить», — тем более, борясь со своей конечностью, преодолевая её доступными средствами, — таким высочайшим идеям и вещам (независимо от их качества), которые бы, как он уясняет, «осчастливливали», осветляли, освобождали не только его самого, но наибольшее число людей, мир. Реалии данные вносили бы в жизнь как можно больше гармонии, истину, высшую справедливость, нежели были и есть, насыщали бы созидательной энергетикой помыслы и конкретные устремления, идеи людей. Оно и понятно. Ведь что отдельный человек сам значит (как общественное, тем более мировое, человеко-бытийное существо) без **других**, без мира, без бытия, без Бога, без высшей идеи, где возможно осмысление всего этого? Для истинно и человечно живущего, стало быть, предметы, к коим следует устремляться, не могут не отличаться тем, что всего быстрее и полней приближают к бытию, утверждают событийность в мире, как бы регламентируя собой остальные идеи и цели в силу их

известной конкретности. Каждый человек, будучи подлинным материалистом, понимает при сем данный процесс как-то по-своему, насыщает его собственно-личными видениями, неповторимым колоритом, акцентациями, переживаниями, жизненной конкретикой. И, несколько уточняя сказанное, заметим, что в свете умно-материалистического подхода только и освобождается от всевозможных буржуазно-обывательских (а отсюда и здравосмысленных) напластований содержание замечательнейшего проявления человеческой активности (и человечности вообще) под названием «**служение**». Под влиянием частнособственнического присвоения, а особенно производящей практики, обычное сознание вкладывает в данный термин нечто от униженной, презренной, претящей повинности, одного человека перед другим. Разумеется, плоско и вульгарно принимаемое «служение», как нечто недостойное, рабское», «прислуживание», «служба», вызывающее у «свободного человека», как бы сказал небезызвестный Чацкий, «тошноту», чуждо, не имеет ничего общего со **служением** по действительной сути. Подлинное служение — это человеческая активность в качестве неотъемлемого атрибута любовно-творческого (заботливого) обхождения людей друг с другом и окружением. Перед нами важнейшее средство, путь понимания человеком себя в мире, приобщения его к бытию, высшей мудрости. Без такого служения он, в принципе, невозможен.

Итак, пребывать в кругу вещей и людей, жить миром, с бытием, обретая здесь бессмертие, — невозможно без **осмысленного** служения жизни, причём, — как сказано, «по высшему разряду. Больше того. Материалист-диалектик насыщает жизнь высшими смыслами не только «от себя» (означенным образом, внутренне), но и внешне, самим бытием. Иначе говоря, он преследует высшие идеалы, цели, интересы, устраивая ими порядок в собственном существовании не единственно, руководствуясь своими «субъективными» намерениями, но также устремляемый на это самим бытием.

Но допустим, человек живёт осмысленно (даже означенным образом). Есть у него высшие цели, и средства, которые он, худо-бедно, реализует, пытаясь решать предстоящие задачи. Всегда ли он достигает преследуемую цель, воплощает ли он смысл своего существования, служения? Выбирается ли из участи безоговорочного ухода-выпадения из жизни? Довольно часты случаи, когда ему это не удаётся. Не сумел он воплотить искомое добро, не достиг желаемого счастья, не утвердил должную справедливость, не заслужил признания и удержания в памяти людей и т.д. Что же тогда? Неужто жизнь его должна быть приравнена к тем, которые, вообще, живут бессмысленно? Они не захвачены никакими устремлениями (если не злокозненными, довольствуясь уладами бытия»). С другой стороны, не воплощая искомое добро либо счастье (к тому же, высшие), не раскрыв себя в жизнеутверждающем плане, — не сеют ли люди-«неудачники» (пусть не намеренно) несчастье, безнравственное? Не являются ли, тем самым, созидателями зла, безбытийности? А ведь исправить совершённую ошибку, нежелательный результат, порой, оказывается поздно. Ибо жизнь человеческая не бесконечна, достаточно коротка. На решение иных задач, даже стать на подлинный путь самоутверждения просто не остаётся сил...

Может, тогда впрямь бесполезно, вслед за весьма многими («одичавшими») в современной жизни, искать какой-либо смысл? К тому же, — духовно-практически, этически насыщенный, обеспечивающий не только состояние исполненности существования, но даже бессмертие. Может, с другой стороны, нечего стремиться к утверждению добра и справедливости, пусть даже известным образом осчастливливающих, «вознаграждающих»? Больше, — сулящих «обретение заслуг» ради «увековечения» (жданно или нет, не важно). Ведь, помимо прочего, стремление действительно насытить жизнь высшими смыслами, главное, утверждать, служить, — не так-то легко. Оно требует больших усилий, жертв, лишений, причём, далеко не единственно от ищущего. И, порой, — очень напрасных. Вполне же многим удаётся жить, вдобавок, весьма «приятно», не отягощая себя данного рода «хлопотами», даже пошаливая против закона, истины и добра. Как же, часто-густо, не обременённые смысложизненными «заморочками», представители современной действительности, безмятежны! Больше, — «счастливы» до самозабвенности, «отпущенные»

на беспрестанную «ловлю кайфа», либо какой другой вещно-потребительской «соски». Правда, если они так устроены, то значит ли, что к «высокой» смысложизненной «материи» они не имеют никакого отношения? Нет, конечно. Ибо за них, вместо них, помимо их воли и знания, данное отношение налицо. И налицо оно по наихудшему варианту безоговорочного отчуждения человечности в «кайфоловщиках» и «сосунках жизни» (Э. Фромм).

Но оставим этих «вечных младенцев». Вернёмся снова к человеку ищущему, смысложизненно озабоченному. Пусть даже он ещё не успел хлебнуть участи «неудачника», находится, как говорится, «пока в начале пути». И вот, не теряют ли для нашего «начинателя» (видя, к тому же, перспективу означенных «неудач») смысл (по крайней мере, в известных ситуациях и как это характерно для обычного сознания) какие-либо противопоставления правды и лжи, добра и зла, справедливости и несправедливости? А вместе с этим — разного рода духовно-практические ценности и идеалы, требующие напряжения, усилий над собой, движения вверх по преодолению наличности. Ведь, сплошь да рядом, человек-правдоискатель, — борец за свободу и справедливость, добродетельный, настроенный жить по высоким меркам, — как, вроде, стало своеобразной «азбучной истиной», больше всего страдает. А в современных условиях — заведомо обречён на фиаско в виду, вроде бы, наступившего «конца истории» (Ф. Фукуяма), когда все идеи «исчерпаны», обесмыслены. Опять же, антиподы позиции нашего «борца» сполна «довольствуются прелестями жизни», бесцеремонно «затаптывая» водораздел «света» и «тьмы», «верха» и «низа», добра и зла! И так ещё, обобщая, спросим. Нужно ли бороться за «вечное», «абсолютное», всеобщее «благо», «спасение», «осчастливление», «свободу» и т.п. «для всех»? Ведь они, как ни заманчивы (особенно, в плане обретения бессмертия), что ни говори, «отдают утопичной несбыточностью». В добавок, — чертами, вроде, «отнимающими» у борющегося «**собственно-личное**» (что так не приемлет либеральное сознание). Хуже. Речь в такой «жертвенности» идёт об утрате непосредственно очевидных благ, «радостей жизни». «половодье их, повторимся в который раз, захватывая, столь пробавляет безоговорочно преобладающие массы людей, нашего «искателя» же — лишь обходит... Да, он слишком часто обрекается на «разбитое корыто». Отнюдь не всегда ему выпадает быть очевидцем, «пожинателем» благотворных результатов трудов своих. Порой, последние маячат (если только) в весьма далёкой и призрачной перспективе. Не реже, они случаются обманчивыми, утверждающими даже диаметрально противоположное ожидаемому...

В этом ключе возникает ещё один вопрос. Стоят ли того непосредственные лишения и утраты (зачастую ощутимые) из-за «призрачных» упований служить общему благу, счастью, тем самым, даже «сохраниться» в историко-культурной памяти, обретением известности, признания и т.д.? Стоят ли они, хотя бы, ради желания быть нужным, значимым другим из ближайшего окружения? Далеко не от самого же «уповающего» зависит достижение хотя бы этого!..

Можно продолжить аналогичные, весьма удручающие вопросы, вскрывающие соответствующие коллизии-противоречия (скорей, антиномии), «неудачи», на которые наталкивается смыслоищущее сознание. Для совладания с ними в каждой культуре, как сказано, предпринимаются немалые усилия.

Однако, как мы можем судить, ни приведённые, ни какие другие решения поднятых вопросов и преодоления смысложизненных антиномий в обозначившемся русле (вне умного материализма) не способны устраивать серьёзный поиск, трезво-критический анализ. Достаточно сказать, данные подходы изначально заблуждаются относительно существа самого человека, его общественной, мировой и, связанной с бытием, природы. Ведущиеся здесь поиски человека и человеческого смысла не поднимаются за пределы просветительских представлений, очевидную несостоятельность коих, кстати, подтверждает и практика. Сколько-нибудь серьёзные же разговоры о смысложизненных исканиях в лучшем случае лишь повисают в воздухе без основательной фиксации весьма непростой сути человека, специфических особенностей его самораскрытия, способа существования, исторического становления.

Важнейшим недостатком ведущихся не на диалектико-материалистической основе «разговоров» является и то, что здесь реальная жизнь человека, его повседневные заботы, дела, запросы, — как бы отъединены от того, что осмысливает все это, наполняет проживаемую жизнь значимостью. Потому, вершимое людьми в своей реальной жизни, каждодневно, само по себе, безусловно, выглядит чем-то «бессмысленным» и «недостойным». Самое большее при таком раскладе дел, человеку в его реальных земных хлопотах-заботах оставляют «терпение» и «надежду», что, в конечном счёте, где-то там (в загробной жизни или в какой другой «выси») ему «воздастся». Иначе говоря, его дела будут «оправданы» и оценены должным образом.

Да, сама посясторонняя действительность изначально наделена всевозможными чертами ущербности, эфемерности, недостойности подлинного признания и проч. Оттого-то и выходит, что поиск и утверждение смысла жизни в такой реальности, не выходя за её пределы, — «дело бессмысленное». В лучшем случае, — хлопотное, отнимающее у человека силы, волю, в конечном счёте, самого себя и т.п.

Для многих именно в этом ключе смысл жизни представляет актуальную проблему, восходящую до философского статуса. «Под смыслом жизни **скрывается**, что жизнь достойна того, чтобы её прожить. И совершенно прав здесь А. Камю: «Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы её прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное — имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями — второстепенно» [3, 24].

В принципе, Выше был дан ответ на данную постановку вопроса. Повторимся здесь: жить осмысленно, воплощать серьёзные (тем более достойные, значимые) смыслы, вообще, жить, руководствуясь высокой созидательной идеей, — не нечто, подобное «манне с небес». Это большое и экзистенциальное напряжение, захватывающее силы и существо человека сполна. Это предельно сложная участь-задача, повседневный и неустанный труд. Верно, зачастую он оказывается неблагоприятным, крайне изнурительным, невыносимым. От человека, живущего так осмысленно, требуется концентрация сил, энергии. Он излучает волю и решимость, собранность. Нужны качества личности и экзистенции. Далеко не каждый из людей этим располагает. Потому, действительно, прежде чем пуститься в осмысление жизни (а оно призвано быть само осмысленным) по большому счёту, прежде чем решать вопрос (выбирать) «быть или не быть», человеку предстоит, весьма основательно подсобравшись, призадуматься: как быть, оставить ли все, как есть (ничего не делать)? Идти ли по линии бытия? Хватит ли тогда сил и способностей, выдержит ли он, готов ли, стоит ли, вообще, начинать выбор?.. В таком ключе постановка вопроса о смысле жизни, несомненно, чрезвычайно значима, и, уж конечно, затмевает многие другие философские вопросы. Правда, отсюда вовсе не следует сказанное авторами приведённой фразы, что смысл жизни включает в себе «убеждение, что жизнь достойна того, чтобы её прожить». До такого убеждения надо ещё дойти. И дойти, — как представляется, отнюдь не на путях (сомнения), предлагаемых Камю и его приверженцами. К тому же, коль скоро речь заходит об «убеждении», то там и вопросов никаких нет. Нет проблем (по крайней мере, там, где мы убеждены), над которыми «убеждённо» приходится ломать Голову. Убеждение и проблема — вещи, несовместимые. Убеждённый человек — уже определившийся, выбравший (осмысливший) свой путь.

С другой стороны, верно и то, что человек не просто поставлен перед дилеммой выбора («быть или не быть»). Он призван выбирать, и выбирать бытие (насколько осознанно, решительно, далекоидущее, последовательно, глубоко и адекватно, — это другой вопрос). Иначе, не осуществив выбор бытия, он убегает от самого себя, выбирает небытие. Он становится на путь деградации, самоубийства, причём, — понимает это или нет. Правда, поскольку речь идёт о философской проблеме, о выборе осознанном, человек, все же, должен бы сознавать, что для него значит отказ от осмысления в направлении бытия или же небытия своей жизни. Вопрос, стало быть, не в том, чтобы решать «Быть или не быть», а в

том, КАК БЫТЬ, КАК НЕ ВПАСТЬ В НЕБЫТИЕ, каким образом торить путь с бытием, не отпадая от него. Следовательно, — сопричастно вечности, мудрости, Богу.

А такое сопричастное творчество бытию возможно лишь на путях диалектико-материалистического осмысления жизни, когда человек беспрестанно возвышает себя, преодолевает достигнутое, живёт всеобъемлющими и высшими мерами. И, как было сказано, — чем выше меры (идеалы, цели, устремления) его бытия, чем выше горизонт человеческой самореализации, — тем подлинней и человечней он живёт, служит, тем полней его жизнь вмещает бытие. И — очевидней его бессмертие.

Сказанное, разумеется, не означает, что нет людей, по тем либо иным соображениям, влекущихся к небытию, нежели к бытию, для коих, иной раз, небытие предпочтительней бытия. Но не об этом у нас речь. Во всяком случае, и для данного рода людей жизнь остаётся осмысленной, а не лишённой смысла. Если для них небытие — куда большее «бытие», чем бытие, то об этом многое можно сказать, не отменяя, однако, факта, что их жизнь наполнена смыслом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фролов И.Т. Введение в философию / Учеб. пособие для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Республика, 2003. — С. 420
2. Островский Н.А. Как закалялась сталь / Н.А. Островский // Сочинения / Киев: Изд-во ЦК ЛКСМУ «Молодь», 1954. — 388 с.
3. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр.-М.: Политиздат, 1990.-415 с.